

РЕЦЕНЗИИ

Сахокия М. М. Поссесивность, переходность и эргативность. Типологическое сопоставление древнеперсидских, древнеармянских и древнегрузинских конструкций. Тбилиси: Мецниереба, 1985. 244 с.

Цель рецензируемой книги заключается в исследовании проблемы взаимоотношения между понятиями поссесивности и переходности (с. 3). Согласно Сахокия, во всех языках мира обнаруживаются два основных типа синтаксических конструкций, выражающих глагольную переходность, а именно прямые и не прямые (или косвенные). В прямых конструкциях подлежащее стоит либо в номинативном, либо в абсолютном падеже, в то время как в не прямых конструкциях подлежащее выражено каким-либо косвенным падежом или другим формальным средством в функции падежа, таким, как, например, предлог, послелог, энклитика, аффикс либо морфологически выраженный в структуре глагола показатель глагольного актанта (с. 3). Поссесивная конструкция является одним из морфолого-синтаксических вариантов косвенных конструкций. В свою очередь она распадается на различные подтипы поверхностного выражения глубинной структуры предложения (с. 4). Наличие подобных поссесивных конструкций в качестве модели выражения глагольной переходности наблюдается в языках различных типов на различных ступенях их развития (с. 4). Сахокия отмечает, что уже Мейе [1] считал древнеперсидскую конструкцию *manā kartam* сходной с *manā piā Vištāspa* «мой отец — Виштаспа» [2].

С целью объяснить форму логического субъекта в конструкции *manā kartam*, которую она переводит как «мое сделанное», Сахокия пишет (с. 31), что следует исходить из факта его генитивного происхождения, а также из его первоначальной функции как поссесивного определения именного элемента — причастия. Автор устанавливает два типа причастно-глагольных конструкций: (1) генитивная конструкция и (2) дативная конструкция (включая также аккузативные формы) (с. 48—49). Это разделение подтверждается, кроме того, особенностями дистрибуции глагола-связки в сочетании с причастием в формах различных типов. Связка засвидетельствована при дативно-энклитических конструкциях, грамматическая природа которых проявляется в соотношении дативно-непрямого дополнения с глаголом, например, др.-перс. *utā maiy* (датив) *aniyašciy vasy astiy*, что Кент переводит на английский как «and of me much else was done» [3, с. 132], а Сахокия на русский как «и мне и другое многое есть сделанное». С независимым генитивным логическим субъектом (в генитивной конструкции) связка ни разу не обнаруживается, например, др.-перс. *ima tya manā kartam pasīva yađa xšāyaθiya abavam* «вот что было сделано мною после того, как я стал царем».

Ядром генитивной конструкции является причастие. Эта конструкция развилась на базе корреляции между именным выражением конкретного действия (причастие) и его определением, которое выражает принадлежность (поссесор в род. падеже). Этот тип конструкции оформлен как бы с точки зрения именного причастия, и даже если мы допустим при нем наличие подразумеваемой, но формально отсутствующей связки, такая связка все же будет чем-то вроде приложения (с. 49). В генитивной конструкции, выражающей именную принадлежность, связка не играет центральной роли. Фундаментальной является здесь корреляция двух имен: *manā kartam* «мое сделанное».

Дативная конструкция строится как бы с точки зрения непрямого подлежащего, которое реализует понятие «обладания» как одну из форм интерпретации переходного действия. Это можно изобразить с помощью традиционной формулы: *est mihi filius > habeo filium // est mihi factus > habeo factum* (с. 49).

Сахокия пишет далее (с. 78), что в древнеперсидских поссесивных синтаксических структурах произошел семантический сдвиг: определение было реинтерпретировано как субъект-поссесор, а глагол, первоначальная функция которого заключается в обозначении существования, приобретает значение «иметь». Параллель обнаруживается в грузинском языке, где такое предложение, как *me tʰavs mankʰana*, понимается как случай «активной» принадлежности, по-видимому, в большей степени

сходный с англ. *I have a car* букв. «Я имею машину», чем с русск. *У меня есть машина*. Этот сдвиг значения определяется при изучении контекстов употребления, т. е. (а) по предшествующему малому контексту, (б) основному малому контексту и (в) по последующему малому контексту, например:

(а) <i>Kambūṣiya</i>	<i>nāma</i>	<i>Kūrauṣ</i>	<i>puṣa</i>	<i>amāxam</i>	<i>tautāyū</i>
Камбиз	по имени	Кира	сын	нашей	семьи
<i>hauvat</i>	<i>ida</i>	<i>xšāyaθiya</i>	<i>āha</i>	(b) <i>avahyā</i>	<i>Kambūṣiyahyā</i>
он	здесь	царь	был	этого	Камбиза
	<i>brātā</i>	<i>Bardiya</i>	<i>nāma</i>	<i>āha</i>	<i>hamātā</i>
	брат	Смердис	по имени	был	той же матери
<i>hamapitā</i>	<i>Kambūṣiyahyā</i>	(c) <i>rasāva</i>	<i>Kambūṣiya</i>		
того же отца	с Камбизом	потом	Камбиз		
<i>avam</i>	<i>Bardiya</i>	<i>avāṣa</i>			
того	Смердиса	убил			

Кент [3, с. 119] переводит этот отрывок на английский тремя отдельными предложениями: (а) «Сын Кира, по имени Камбиз, из нашей семьи, он был здесь царем». (b) «У этого Камбиза был брат по имени Смердис, у которого была та же мать и тот же отец, что и у Камбиза» (с) «Потом Камбиз убил того Смердиса». С точки зрения Сахokia, однако, как в (а), так и в (b) *Kambūṣiya* «Камбиз» функционирует в качестве подлежащего. «...генитивные формы основных малых контекстов безусловно читаются как субъекты-обладатели (логические подлежащие) посессивов, передающих содержание активного владения, а не наличия (кого-нибудь при ком-нибудь)» (с. 87).

В краткой рецензии нет возможности даже резюмировать множество интересных выводов автора (с. 141—162), поэтому я коснусь лишь одного из них. Синтаксические конструкции с перфектными причастиями в древнеперсидском и древнеармянском восходят к посессивным синтаксическим конструкциям. Порождающий «механизм этой связи заключается в основном в замене имени существительного... — синтаксически объекта обладания причастием» (с. 145). Сахokia отмечает, что в некоторых случаях имела место контаминация переходного и непереходного причастий, и объясняет эту контаминацию закреплением функции субъекта-генитива и его распространением по аналогии (с. 156). Я полностью согласен с ней в этом и думаю, что в качестве параллели можно указать на употребление эргатива подлежащего при непереходных глаголах в западных диалектах грузинского языка, где конструкции типа *kas-ma movida* «человек (эрг.) пришел» замещают исходные конструкции типа *kas-i* (ном.) *movida* [4].

Следует, однако, задать вопрос: почему посессор (выраженный в и.-е. языках генитивом) функционирует только в качестве агенса при пассиве от переходных глаголов? Например, в литовском существуют синтаксические конструкции с подлежащим в генитиве при непереходных глаголах, ср. *jō* (ген.) *eiṭa* (прич. прош. вр. ср. р. на *-t-*) «он ушел» — в точности как и в армянском: *nora* (ген.) *ekeal* (ē) тж. [5]. Хотя ранее я предполагал, что такие конструкции, как литов. *jō būta* «он был», отражают ситуацию в индоевропейском [6], сейчас я склонен отвергать эту точку зрения в первую очередь ввиду очевидного отсутствия подобных конструкций в древнеиндийском, где, насколько мне известно, соответствующих построений типа **iasya* (ген.) *galam* «он ушел» или **iasya bhūtam* «он был» не существует. Вопрос о наличии таких конструкций остается, естественно, открытым — я хотел лишь указать, что мне не удалось найти подобных примеров ни в одном из руководств по древнеиндийскому языку.

Хотя я не думаю, что твор. падеж был в индоевропейском первоначальным обозначением агенса, как это полагает Джеймисон [7], из ее материала все же ясно, что по крайней мере в индоиранском в засвидетельствованных текстах при обозначении агенса преобладает твор. падеж. В древнеиндийском дальнейшая замена на творительный, обозначающий агенса, привела к возникновению таких предложений, как *tena* (твор., н е род.) *śayitam* «он лег» и *phalitam vṛkṣaiḥ* (твор.) «деревья плодоносили» [8]. Таким образом, в древнеиндийском при аналогической замене агенса при *t*-причастиях от непереходных глаголов используется твор., а не род. падеж.

Так как в дальнейшем посессивная конструкция оказывается исходной только для пассивов от переходных глаголов (а не от непереходных, — если оставить в стороне то, что пассивы от переходных этимологически восходят к непереходным конструкциям), важнейшей составляющей предложения оказывается пациенс (=подлежащее пассива). Поэтому говоря о таких древнеперсидских предложениях, как *ima tya manā kartam* «это то, что мною сделано», необходимо иметь в виду существенное значение *tya*. Таким образом, выражение *tya...kartam* существовало изначально, и пациенс (=подлежащее пассива) не мог быть опущен. Агенса *manā* «мой, мною» является посессором не только

по отношению к причастию, но также и к подлежащему при нем. Думаю, что в действительности превращение *kartam* из простого непереходного причастия в пассивное переходное осуществляется с присоединением генитивного агенса.

Я нахожу эту книгу трудной для понимания, частично вследствие моего довольно слабого знания некоторых из обсуждаемых языков, в частности грузинского (здесь оказались бы весьма полезными подстрочные переводы). С другой стороны, трудность чтения вознаграждается тем, что в ней содержится много новых и интересных идей. Я рекомендую эту книгу всем интересующимся проблемами эргативности, а также тем, кто хочет углубить свои познания в области синтаксиса древнеперсидского, древнеармянского и грузинского языков.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Meillet A. Grammaire du vieux perse. P., 1937. P. 196—197.
2. Meillet A. Introduction à l'étude comparative des langues indo-européennes // Alabama linguistic and philological ser. 1964. № 3. Reprint of 1937 ed. P. 356.
3. Kent R. Old Persian: grammar, texts, lexicon. 2nd ed. // American orient. ser. 1953. 33.
4. Boeder W. Ergative syntax and morphology in language change: The South Caucasian languages // Ergativity. Ed. Plank. F. L.; N. Y., 1979. P. 443.
5. Weitenberg J. J. S. Infinitive and participle in Armenian // Annual of Armenian linguistics. V. VII. P. 11.
6. Schmalstieg W. R. Lithuanian constructions of the type *jo būta* as a reflection of the Indo-European middle voice // Baltistica. 1986. 22.
7. Jamison S. W. The case of the agent in Indo-European // Die Sprache. 1979. V. 25.
8. Klaiman M. H. Arguments against a passive origin of the IA ergative // Papers from the 14th regional meeting of the Chicago Linguistic Society. 1978. P. 213.

Шмальstieg У. Р.

Перевел с английского Тестелец Я. Г.

Ulrich M. Thetisch und Kategorisch. Funktionen der Anordnung von Satzkonstituenten am Beispiel des Rumänischen und anderer Sprachen. Tübingen: Gunter Narr Verlag, 1985. 311 S.

Среди многочисленных современных исследований по синтаксису предложения книга М. Ульрих занимает особое место, выделяясь как оригинальной постановкой проблемы, так и богатым фактическим материалом, убедительно подкрепляющим основные выводы автора. Лингвисты, занимающиеся теорией предложения и особенно порядком слов в предложении, с большой для себя пользой прочтут монографию М. Ульрих, в которой доказывается, что в разных языках мира наряду с предложениями, четко демонстрирующими двучленные структуры с ясным противопоставлением темы и ремы, широко представлены высказывания другого типа — с нечленимой информационной структурой. Первые, двусоставные, автор называет тема-рематическими, или же «категориальными», вторые, целостные, противопоставленные первым по признаку трудности или же невозможности их тема-рематического членения, — «тетическими». Это противопоставление и объясняет заглавие книги, посвященной детальному описанию именно тетических предло-

жений в их отличии от обычных, категориально устроенных и разводящих субъект предложения и его предикат. Основной замысел книги связан, таким образом, с выяснением природы и функций тетических предложений в тексте, а также с установлением тех отношений, которые складываются в предложениях разного типа между отраженными в них структурами информации и порядком следования главных элементов предложения, прежде всего — именного субъекта и глагола-предиката.

Как укладывается М. Ульрих, теории предложения и теории его актуального членения создавались преимущественно на материале простейших предложений с обычным порядком слов и с отдельным представлением темы и ремы. В таких предложениях тема помещается перед ремой: сперва должно быть указано то, о чем пойдет речь (с. 25—44). Подобная теория предложения была разработана главным образом представителями Пражского лингвистического кружка, и ее развивали в концепциях функциональ-